

№ 2006

4370 к.



Корифей  
казахской  
критики

Зейнолла  
СЕРИККАЛИ

# Золотая эмблема



RARITY



PUBLISHING  
COMPANY LTD







**Зейнолла Сериккали**

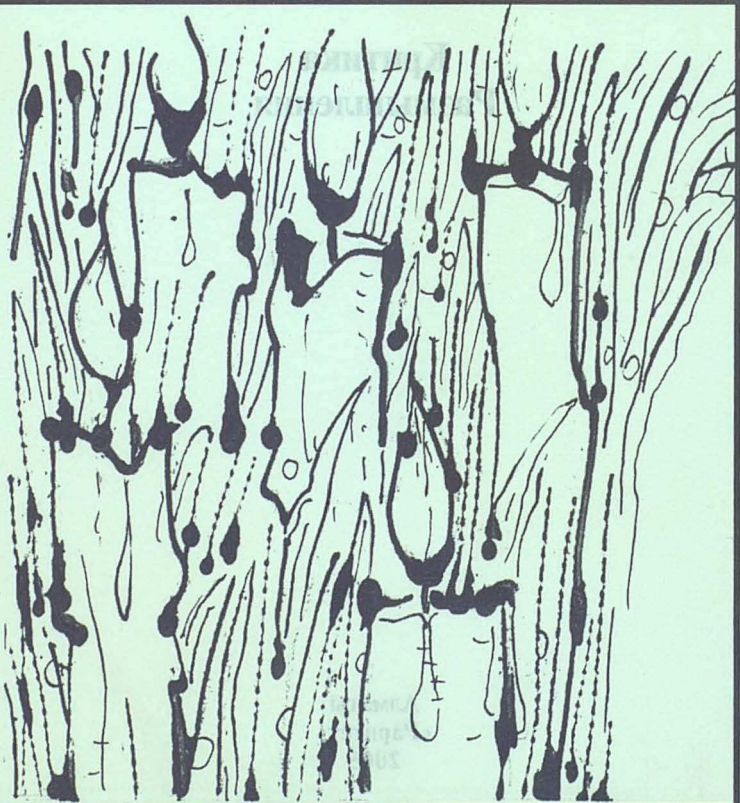
# **Золотая эмблема**

**Критика  
Размышления**

Алматы  
«Раритет»  
2005



ἁγίασμα ἁγιωσύνης





Корифей  
казахской  
критики

Зейнолла  
СЕРИККАЛИ

# Золотая эмблема



## Критика Размышления

RARITY



PUBLISHING  
COMPANY LTD

ББК 83.3Каз

С37

Министерство культуры, информации и спорта  
Республики Казахстан

Выпущено по программе Комитета информации  
и архивов

Серия выходит в свет с 2002 года

Автор проекта «Алтын қор» — З. Сериккали

Автор художественного оформления серии — А. Тленшиев

**Сериккали З.**

**С37** Золотая эмблема: Критика, размышления/Перевод с казахского языка Б. Джилкибаева. — Алматы: Раритет, 2005. — 200 с. — Библиотека «Алтын қор».

ISBN 9965-770-02-6

Автором идеи издания 100-томной библиотеки казахской литературы «Алтын қор» является известный культуролог, литературовед, критик и издатель Зейнолла Сериккали, который в последние годы жизни был главным редактором издательской компании «Раритет».

В марте 2004 года мы потеряли своего главного редактора, а современная казахская литература — одну из знаковых фигур, чья роль в духовной жизни общества и сохранении его нравственных ценностей была очень заметной.

За сборник статей и эссе «Алтын жамбы», выпущенный в 2001 году, З. Сериккали был удостоен Государственной премии Республики Казахстан. Книга эта, посвященная проблемам литературы, а также отдельным писателям, поэтам и деятелям культуры, важна и интересна еще и тем, что в ней через позицию автора, его отношение к прошлому, настоящему и будущему Казахстана мы познаем душу казахского народа, его духовность и нравственность.

Отныне и у русскоязычного читателя появилась возможность услышать голос Зейноллы Сериккали, узнать, почему в среде казахской интеллигенции его называют «казахским Белинским».

Эта книга — двойная премьера: первое издание З. Сериккали в переводе на русский язык и первая книга серии «Алтын қор» для русскоязычной читательской аудитории.

ББК 83.3Каз

С 4603020102—31  
413(05)—05

ISBN 9965-770-02-6

© Издательская компания «Раритет», 2005  
© Художественное оформление Святослава Ким, 2005



## СВЕТИЛЬНИК РАЗУМА

(Напутствие)

*Чего мы ждем от будущего? Каким мы хотим видеть Казахстан в новом тысячелетии?*

*Человек, способный мыслить, отличается удивительным свойством — он мечтает. Если мы сумеем правильно прочесть толстую книгу истории от момента зарождения человечества до нынешнего тысячелетия, то мечты и стремления нас не обманут. Горькие уроки на трудных и опасных путях развития помогут нам правильно определить свое будущее. Ты встретишь на своем жизненном пути то, к чему стремишься, увидишь, как исполнится то, о чем тысячу лет тому назад мечтали наши духовные светочи — Фараби, Яссави и их современники. Казахстан превратится в страну чудес, он станет всемирной космической гаванью, осененной духом Улугбека и Асана Кайгы; наша страна будет маяком на безграничных просторах Вселенной, освещающим межпланетные, межзвездные трассы. Возможно ли такое?*

*Вполне. В наступившем тысячелетии человек воплотится в свою истинную сущность: он наконец-то станет человеком. Я предвижу, что человек освободится от душевной грязи, от жадности, алчности, низменных интересов, подлости, кровожадности, скудости нравственной и немощи физической. Сомнений у меня в этом нет. Человечество получит возможность сделать своим достоянием все богатства мира и будет пользоваться всеми благами, принадлежащими ему. Но оно не достигнет желаемого состояния благоденствия до тех пор, пока не*

изобретет системы защиты от таких гнусных явлений, как лицемерие, карьеризм, подхалимство, взяточничество, ложь, хитрость, чванство и равнодушие. Такая система защиты сопряжена с привитием обществу чистоты, совестливости, благородства в намерениях и поступках. Для такого очистительного процесса имеются все возможности. Мы готовы к этому благому делу. Воспитание будет начинаться с формирования самих учителей, усвоения ими лучших образцов и примеров, мудрости и опыта выдающихся наставников-педагогов. Опираясь на эти модели педагогического наследия, они сформируют сами себя, свой гармонический облик, достигнут физического и нравственно-духовного совершенства.

А пока мы смотрим фантастические фильмы, где страшилки-роботы наводят ужас своей запрограммированной нацеленностью на любое злодеяние. Эти фильмы вызывают страх у зрителя, но пройдет время, и этот жанр киноискусства уйдет в небытие.

Сегодня мы живем по правовым нормам, закрепленным в Гражданском и Уголовном кодексах, но эти нормы не соблюдаются, появляются произведения, в которых они искажаются, ломаются, высмеиваются. А мы соглашаемся, считая это естественным, обычным явлением. Тому виной наше малодушие, попустительство, равнодушное восприятие негативных явлений. Но придет время, и человечество примет новый «свод» правил поведения, основанный на самых чистых отношениях общежития, ориентирами которого станут гениальные и мудрые мысли нового кодекса, построенного на взаимоуважении и совестливости людей. Этот кодекс не позволит человеку совершать греховных дел, думать о нечистом, он будет стоять на страже человеческой праведности не только днем, но и ночью: даже в снах своих человек будет огражден от любых помыслов и видений, недостойных его образа и подобия. За каждый свой шаг, за каждое слово он будет чувствовать высокую ответственность, словно у него за плечами сидят ангелы мункир и нанкир, беспристрастно записывающие все его добрые и плохие помыслы, намерения, слова и поступки. Этот нравственный кодекс не сможет преодолеть, обойти, нарушить ни один хитроумный робот.

Такая моральная основа нужна нам, сегодняшним казахам. Нам, довольным своим временным благополучием, заискивающим перед сильными, уважающим только тех, кто сильнее нас. Ох, как необходим нам этот кодекс! Войдя в мировую рыночную экономику, Казахстан использует сегодня компьютерную технологию, а в будущем он, возможно, станет отечеством самой чистой, самой благородной нравственности и продолжит путь развития научной мысли, и этим самым заслужит достойное место в мировой цивилизации.

А пока... А пока хочешь не хочешь, живи в тех условиях, что окружают тебя. Это чистой воды проза нашей жизни (тем она, кстати, и интересна). От преданий Нострадамуса пора переходить к неотложным житейским делам и нуждам. Нужно заботиться о сохранности и плодородии запущенной земли, оберегая ее как зеницу ока, спасти книгу, доведенную до позора. Нужно спасти оскудевающую незащищенную нашу культуру. Если за это не возьмутся засучив рукава равнодушные горячие деятельные джигиты, то мы окажемся в огненном кольце проблем, готовых, как драконы, сожрать нас.

А сегодня мы вступаем в новое тысячелетие с теми же дельцами, ловкачами, волостными (акимами), нуворишами-спекулянтами, которых еще в начале прошлого века бичевал великий Абай как злейших врагов казахского народа. Пусть нас не обманывает их внешний лоск, то, что они говорят по-английски (поэтому и называются «новыми казахами»). Сущность их низменна. А борьба против этих хищников предстоит нешуточная, она может растянуться на столетия. Сомнительно, что ближайшие два десятка лет принесут нам какое-то облегчение, что к 2030 году все переменится в лучшую сторону. Трудно быть оптимистом, наблюдая нашу сегодняшнюю жизнь.

Требуется провести массу необходимых мероприятий, чтобы вернуть экономику нашей страны к плановому хозяйству, чтобы обеспечить работой население, чтобы подготовить честные, чистые кадры, способные вывести нас из тяжелого кризиса, в котором мы оказались благодаря хитрым манипуляциям ловкачей, превозносящих рыночную экономику и наживающих баснословные прибыли на труд-

*ностях и лишениях, испытываемых нашим народом. Как бы то ни было, но сегодняшним барометром благополучия или плачевного состояния людей служит работа каждого городского акимата. Во многих регионах органы общественного правопорядка надели на себя панцирь безразличия и равнодушия. Пока не прекратятся бедствия стариков-пенсионеров, еле сводящих концы с концами, пока не будет обеспечена достойная человеческая жизнь сиротам и детям из малоимущих семей, пока не перестанет бродить в поисках случайного заработка и жилья молодежь страны, а простые люди не обретут уверенность в своем завтрашнем дне, мы не можем говорить о полноценной работе ответственных руководителей и чиновников всех рангов.*

*Вот с такими надеждами мы встречаем новое тысячелетие и желаем, чтобы наша жизнь шла не по прихоти случайных, алчных, чванливых лиц, а была озарена мудрым сиянием подлинной заботы о благосостоянии народа, о его будущем!*

2001

# 1. ЗЛОБОДНЕВНОЕ

---

- Взгляд на учение о прекрасном
- Разговор по душам
- Исцеляя душевные раны...

*Цену жемчуга знает искатель.*

*Саиф Сарай*

*Если критикуешь, говори правду,  
Не говоришь правду — не критикуй.*

*Бауыржан Момышулы*

## ВРЕМЯ И ВКУСЫ (Взгляд на современную эстетику)

### І. Готовы ли мы к откровенному разговору?

Общественное мнение гласит: «О вкусах не спорят». Вкусы бывают разными и различными, и бывают обстоятельства, где проявляются вкусы. Одно дело, когда люди придерживаются взглядов, выработанных их естественным укоренившимся бытом, окружающей средой, когда их вкусы отражают, как чистое зеркало, их духовный и материальный мир, когда их взгляды и вкусы не наносят ущерба другим людям с иными взглядами и вкусами, не мешают жизни и самочувствию иных духовных сообществ, а гармонически сосуществуют с ними. И совсем другое дело, когда взгляды и вкусы отражают эгоистическое агрессивное настроение людей, ограниченность духовных интересов, стремление подавить и исказить, унижить и уничтожить чужую культурную жизнь. Если взгляды и вкусы одного сообщества или человека гармонически сопрягаются с жизнью и духовной культурой народа, то отношение к этим взглядам и вкусам будет благожелательным, проникнутым сочувственным пониманием. А если они отражают узость, нетерпимость, агрессивность, то, естественно, вызывают и не могут не вызывать ответной реакции, критического отношения. Поэтому меня, как литератора, не может оставить равнодушным позиция газеты «Қазақ әдебиеті» и практика, уровень литературной критики, которую мы видим на ее полосах.

В последнее время на страницах газет мы то и дело сталкиваемся с высказываниями, и довольно категорическими, о литературной критике. Эти высказывания содержатся и в диалогах, и в статьях. Так, в одном ин-

тервью видный исследователь-критик профессор Турсунбек Какишев говорит: «В современной казахской литературе нет никакого направления». Писатель Сафуан Шаймерденов утверждает: «В казахской литературе происходит “революция”». Представительница молодого поколения наших литераторов Айгуль Исмакова заявляет: «В нас очень высок интерес к истории литературы. А к природе самой литературы интереса вовсе не наблюдается». Она при этом указывает на тот факт, что уровень современной литературы опустился ниже, чем во времена А. Байтурсынова. Эти цитаты мы берем из газет «Алтын орда», «Қазақ әдебиеті», «Қазақстан — Zaman», и здесь, естественно, возникает вопрос: разве не является прямой обязанностью газеты «Қазақ әдебиеті» поднимать вопросы о литературной критике, состоянии современной казахской литературы и освещать их на своих полосах? Ведь эта газета является барометром, светофором литературной, культурной жизни нашего общества. Другие газеты могут поднять проблему, поставить вопросы и ограничиться этим. А «Қазақ әдебиеті» призвана служить нашей литературе, она не должна оставлять без внимания не только большие вопросы, требующие основательного рассмотрения, но и самые маленькие. Это ее прямой долг. И все это в наших интересах, в интересах нашей духовной культуры. Но поверхностный, несерьезный подход к литературе — это наша сегодняшняя правда и боль. На самом же деле, и это горько сознавать, газета, призванная говорить в полный голос об истинном положении литературы, выяснять и анализировать причины такого неблагополучия, призванная поднять знамя общественного мнения, вести всех, причастных к литературе и культуре, по правильному пути, быть вдохновителем и организатором всех добрых намерений и инициатив, — она не выполняет своей миссии, самоустранилась от своего призвания. Она не может быть организующим центром нашей культурной и литературной жизни.

А чем же они занимаются? На что уходит их драгоценное время? Вопрос не праздный. В этой связи я дол-

жен процитировать некоторые отрывки из критических опусов, появляющихся на полосах этой газеты. Мне неудобно перед читателем за этот вынужденный шаг, но эти отрывки показывают литературный, эстетический, художественный уровень как опусов, так и самих авторов. Вот что мы вычитали у критика Турсынжана Шапая в опусе «О!.. О!.. О!..»: «Постмодернизм, конечно, очень сексуальное явление. Однако предшествовавший ему наш возлюбленный соцреализм был мужчина что надо! Если не соглашаешься... берет насильно. Рядом с ним наш сегодняшний Постеке (то бишь постмодернизм) что-то вроде красной девицы. Не мужик, не баба. Транссексуал! Однако (простите!) разве в наших силах сегодня выбрать мужей. Шустрые молодчики давно уже разобрали подходящие партии, не оставив нам никакого выбора. А что с ними поделаешь? У нас нет стрел, чтобы сразить их. Вот и приходится горевать, сгорать от ревности, вариться в собственном соку. А газета «Қазақ әдебиеті», к примеру, очень сексуальная газета. И любовь, и ненависть к ней имеют один и тот же источник — секс. Газету эту просто терпеть не могут другие обессиленные издания, газеты-импотенты, кое-кто из политиков, вошедших в пору климакса. У них просто ненависть к главному сексологу газеты Амирхану Мендеке и его заместителю, ведущему эксперту в области политического секса Аманхану Алимуну. Но эта ненависть — чистая, без примеси секса, без намека на любовную ревность. Если нет секса, то какая может быть любовь? Если и говорить, то только о сверхсексуальности. И здесь никакой вины «Қазақ әдебиеті» не было и нет. Бог свидетель!» («Қазақ әдебиеті», 2000, 4 авг.).

На какие вкусы, на каких читателей, на какое бульварное потребление рассчитаны эти опусы, ясно без комментирования. И посмотрите, как они организовались, спелись, объединились под общей крышей, называя друг друга «сексуальными маньяками». Сотрудники газеты, хорошо зная друг друга, прекрасно осведомлены о том, как поддеть друг друга, в чем уличить, какие слабости друг у друга вытащить на всеобщее обо-



зрение и осмеяние. В этом, надо сказать, они весьма преуспели. Как, однако, не хочется выглядеть эпигонами! Как хочется быть впереди всех, так сказать, пионерами. А для этого требуется подперчить, подсолить, подлить уксусу, чтобы все выглядело оригинально. Так и поступают сочинители опусов в «Қазақ әдебиеті». Но шила в мешке ведь не утаишь! Всем понятно, откуда ветер дует. Чтобы не уступать тему таким прозаикам, как Сейфулла Оспан, пустились сочинители из «Қазақ әдебиеті» во все тяжкие. Но мы помним, как перед этим год или два назад в «Аргументах и фактах» во вкладыше «Казахстан» была помещена игривая информация «Самый сексуальный политик». В числе этих «избранных господ» были обнародованы имена таких лиц, как Г. Касымов, О. Сулейменов, М. Алтынбаев и др., а также мисс и миссис с публикацией фотоснимков (1999, 13 мар.). Видимо, это событие до глубины души взволновало нашего братишку Турсынжана. Вот он и пустился по модной стезе. Но у него получилась какая-то белиберда. Вместо того, чтобы бичевать легкомысленных московских красоток, а также их последовательниц, показывать, как они неприглядны и отвратительны в погоне за ветреной модой на сексапильность, наш критик вдруг превратился в ярого пропагандиста этой сексапильности. Видимо, он и сам не заметил столь неожиданной метаморфозы. А как быстро он освоил всю терминологию, относящуюся к анатомии, медицине, сексологии! Так и сыплет словами *гиперсексуальный, сексапиль, секс-гиганты* и т.п.! Какие познания! О! О! О!

Я считал Турсынжана разборчивым молодым человеком, с тонкой душой. Нет, внешность оказалась обманчивой. Московские издания, голубой экран, бульварные газеты любых толков бледнеют по сравнению с его задором, напором и хваткой. «То, что имеют другие, кажется золотом. Вот и мы, хоть и ростом не вышли, и лицом не удались, как говорится, ни кожи, ни рожи, а все туда же тянемся... Об этом должны помнить те, кто сидит в соответствующих органах». Вот такой донос настрочил наш шустрый молодой человек. Дальше еще интересней. «У транссексуальных

меньшинств есть только один единственный секс-объект — власть... А потом при помощи этого они превращаются в гетеросексуальное большинство... Правда, во время последних выборов появились какие-то непонятные партии. Мы не смогли выяснить, сами ли они по себе действуют, преследуя свои собственные интересы, или же скрывают какие-то непонятные намерения. Сохранившиеся в своем первоначальном виде выступают перед обществом в форме эксгибиционизма (по телевидению, через газеты или сочиняя мемуары). Отбросив суетливость, они раскрывают свое интимно-сексуальное прошлое. В одно время самыми сексуально озабоченными лицами были писатели. Сейчас они уже не востребованы. Сплошная импотенция... Показать перед народом у них нет возможности. Сидят себе по домам». И льется эта циничная, мутная, вонючая речь. Появляется там и «фаллос» и еще кое-какие атрибуты. Где предел бесстыдству?! Это такое гнусное явление, что и говорить о нем противно. Но говорить приходится.

Никому еще не удавалось стать вождем благодаря уродству. Читатель, ошарашенный этими опусами, сам может судить о вкусах, литературной «культуре», насколько она раскована и своевольна. В этой связи мне вспоминаются слова: «Я должен писать так, чтобы моим дочерям не пришлось краснеть за написанное мною». И с этой точки зрения рассматриваемый опус не выдерживает никакой критики. Что же, лет пятнадцать — двадцать тому назад эти наши мыслители были сельскими ребятами, учились у совестливого сельского учителя, потом выросли, стали солидными людьми, обзавелись семьями, и теперь вальяжно рассуждают об очень тонких материях. Ну, ладно, Бог с ними!

Но я в качестве стороннего, независимого наблюдателя должен присмотреться и установить, откуда пошла эта необузданная вакханалия. Еще за две недели до этого в газете «Қазақ әдебиеті» было объявлено о предстоящем диспуте между известным философом-литератором Ауэзханом Кодаром и критиком Алией Бопежановой. Тема диспута звучала так: «Искусство —

жизнь, искусство — художественный текст, или теоретические разногласия» (2000, 14 июля). Этот диспут должен был стать продолжением начавшихся год — два тому назад диалогов-споров о будущем литературы, о ее сегодняшнем положении; эти вопросы в предстоящем диспуте должны были быть рассмотрены и с философской точки зрения; предстояло рассмотреть состояние визуальных и интеллектуальных жанров, высказать мнения о вербальных текстах, выяснить противоречия между этническим дискурсом и гуманитарным дискурсом, выяснить направление новых признаков, недостатки и недочеты, причины этих явлений. Все эти вопросы, естественно, должны были привлечь внимание не только литераторов, к полемике должны были подключиться философы, психологи, культурологи, лингвисты, историки. Эта дискуссия должна была открыть дорогу для дальнейшего развития психологии искусства. Однако газета «Қазақ әдебиеті», явившись инициатором этого диспута, сама же неожиданно создала условия, невозможные для его проведения, и, не успев начаться, диалог завершился неожиданно через неделю (2000, 21 июля). Все было сделано в классических традициях «казахбайства». Получилось все так, словно обмен мнениями происходил только для ушей редакции, а широкая общественность, не успев заинтересоваться разговором, так и осталась в неведении. В чем же причина такого неожиданного поворота событий?

Попробуйте уяснить, почему главный редактор (Жусыпбек Корғасбек) решил приостановить диспут. Его заместитель А. Мендеке в своем выступлении «Я выражаю свои опасения» постарался представить диалог в чудовищном свете. Его привели в ужас имена — Жиль Делез, Жак Деррида, Бодрийар, Лиотар, а также термины «художественный авангард», «модернизм», «модерн», «постмодерн», «постструктурализм», «гипертекст», «интертекст». «Если вы будете знать эти имена и эту терминологию, то вы окажетесь в числе представителей литературы с «новой парадигмой», а если не будете знать, то останетесь в этническом дискурсе и будете

обречены на умственную жизнь «в узких этнических границах». Из первоначального разговора Али и Ауэзхана я понял только это». На самом же деле суть заключается в том, что сотрудники газеты не были подготовлены к проведению этого диспута на таком высоком уровне, они не владели темой и не разбирались в вопросах, вынесенных на обсуждение. Здесь речь идет не о том «знаете?», «не знаете?», а на каком языке происходит диспут. Зачем искажать, вводить читателя в заблуждение?

Кто думал, что знание, наука, представители этой науки, имеющие иной взгляд на вещи, станут объектом насмешки? Это тот случай, когда проявляется нетерпимость к тем, кто знает больше тебя, разбирается лучше тебя в актуальных вопросах. Вот показатель нашей сегодняшней культуры обмена мнениями. Участники диспута излагали свое мнение на ясном, точном языке науки, которым свободно владеют. Они ничего не требовали от редакции. Амирхан искажил ситуацию, якобы участники потребовали: «Вы должны понимать искусство так же, как и мы». Речь о том: если ты готов к диспуту — участвуй, отвечай на вопросы. Если же не готов, то не позорься, промолчи. Ведь кроме тебя есть большая группа людей с высшим образованием, не роняй авторитета хотя бы перед ними. Природе научного мышления противопоказаны и простота, и изворотливость. Я удивляюсь тому, что Амирхан не понимает термина «новая парадигма». В Институте литературы и искусства им. Ауэзова все — от академика до лаборанта — пользуются этой терминологией. Пойди и спроси!

Наш критик приходит к выводу, мол, де, «философы» которых Али и Ауэзхан упоминают в своих беседах, восхваляют и превозносят, словно святых, на самом деле являются обычными искателями славы, известности, стремящимися во что бы то ни стало, любой ценой выделиться на фоне других своих собратьев, стать выше. Таково их «мировоззрение» и таковы их «цели». С этой точки зрения упомянутые философы оказываются просто искателями удачи, попусту растрачивающими силы и энергию. Они шумят так, что

слышно их во всех уголках мира. А в сущности, все их хлопоты являются пустой тратой времени. Что может сравниться с тоталитарной мощью сознания? Конкретные факты, на которые опирается наш критик и с чем он сопоставляет другие, — это увиденные на телеэкране «особенности» певцов-джигитов, их расстегнутые штаны. Его понимание современных философских течений века, поток этих течений в общем русле сводятся к указанным особенностям. И в памяти всплывают упомянутые выше опусы нашего Турсынжана (Шапая), вот и получается, что читал он то, что вращается в сфере действий упомянутых певцов-джигитов, и не читал он того, что называется «модерном».

В одном месте Амирхан заявляет: «Лиотар и Бодрийар одно время были в моде, а потом быстро устарели, быстро обветшали и исчезли из научного оборота». И делает вид человека сверхзадаченного поставленным вопросом, но все же нашедшего правильный ответ. Читаешь и думаешь, неужели наши ученые, исследователи оказались такими близорукими, что не заметили того, о чем сокрушается прозорливый критик. Опирается он на самый надежный, в его понимании, авторитетный источник — журнал «Вопросы литературы» 1970 года. А ведь как изменился мир за эти тридцать лет! Изменился до основания бывший советский строй, соцреализм ушел в историческое прошлое, сам постмодернизм претерпел ощутимые изменения. И печально, что время не повлияло на сознание А. Мендеке. Он остался там, где был тридцать лет назад. И он в духе своего катехизиса («Вопросы литературы») вопрошает: «И почему теперь казахская культура, литература, искусство должны принимать чье-то зловоние за ароматы животворящего творчества. Почему мы такие покладистые и привязчивые? Если мы обратимся к Западу, о котором Ауэзхан нам уши прожужжал, то там сегодня литераторы-интеллигенты и культурологи изучают не Лиотара и Бодрийара, а Бахтина и Лихачева». Вот таким манером укрепляет он свой основной довод.

А теперь послушаем, что говорилось во время беседы (по оригиналу). Ауэзхан Кодар: «Раньше мы по-

клонялись книге, смотрели на писателей как на божество. А сегодня на Западе не то что книгу, сам Разум свергают с престола. Если веками существовала философия души, то сегодня господствует философия тела». Что это? Ведь это совсем не похоже на то, в чем обвиняет критик Кодара. Где тут преклонение перед Западом?! Все обвинения, все упреки, которые высказывал и предьявлял критик Алие и Ауэзхану, — «перечисляют святых», «смердящие кто-то», «почему мы такие доверчивые», «преклоняются перед постмодернизмом, опираются на него» и пр. — не имеют к диалогу никакого отношения. Амирхан сам придумывает противоречия и навязывает их ведущим диалог. Таковую судьбу испытали многие невинно оклеветанные писатели. Это пример, который очень хорошо отработан А. Мендеке, апробирован им в десятках статей и теперь проводится против Ауэзхана и Алие. Он внедряет ложные понятия в их беседу, выдает черное за белое. Это пример того, как строится ложное понятие, как оно вводится в содержание, как доводится до сведения слушателей или читателей. Это образец фальсификации, выполненный опытным мастером. Произведения соцреализма создавались по таким вот образцам, и наш критик, поднатеревший в этом методе, продолжает им пользоваться. Для нашего джигита важно прежде всего содержание, «придуманное автором», а о прочем — форме, приемах, способах — можно не беспокоиться. Это уже дело второстепенное.

Когда Ауэзхан приводит точку зрения отца номиналогии француза Жилия Делеза, он исходит из того, что природа живого существа возникает из соотношения души и тела. Рассматривая начало постмодернизма, Ауэзхан приходит к следующему заключению: «По словам Жака Деррида, текст выше автора, из текста мы можем узнать то, о чем автор и не догадывался. То есть, не автор хозяин текста, а, напротив, текст владеет автором. Это соответствует мысли Хайдеггера, его знаменитому вопросу «Кто говорит?», и это связано с вопросом о том, что движет силой, рождающейся в сердце человека, заставляющей автора говорить. То есть, ли-

тература не есть душа человека. Это душа той силы, которая подвигает человека создавать искусство, натиск бытия». Разве не стоит над этим подумать, разве не стоит пригласить к раздумью над этими вопросами других? Или это «мертвечина чья-то»? Кодар говорит: «Особенность постмодернизма в том, что он отбрасывает ценности модернизма, уничтожает их. Если эпоха Возрождения развенчала идею бога, то постмодернизм развенчивает идею человека, его превосходство, его самодостаточность. Если гуманизм считает человека центром Вселенной, пупом земли, то постмодернизм расщепляет эту идею на два течения — идею стремления, творчества и идею Наслаждения. Первое течение представляет Делез, а второе — Бодрийар». Что это, поклонение западным философам? Нет, это правильное истолкование, точное понимание природы постмодернизма, изложение концепции этого течения.

А. Мендеке заявляет: «Второе свойство постмодернизма — разрушение всей классической философии, опровержение всех схем, всех направлений. Потому что каждое явление — продукт определенного времени, оно не соответствует следующей эпохе, ее требованиям». И это, по словам Мендеке, является «опорой постмодернизма», а затем Мендеке задает саркастический вопрос, убивающий наповал, по его мнению, оппонентов: «Абай — тоже явление. И если Абай, по теории Ауэзхана, — «продукт своего времени», то теперь нам нет никакой надобности ни в Абае, ни в его творческом наследии. Не так ли по-вашему?» Вот махровый образец фальсификации, извращения слов оппонента, прием опорочивания неугодных тебе мыслей. Какое бесстыдство?! Ну, какое отношение к этому диспуту имеет Абай? Абай понадобился критику, чтобы извратить мысль оппонента, навесить на него ложные обвинения, создать «ложное содержание» и высмеять на потеху публике. А если разобраться серьезно, то в свое время пламенный Абай, свергая и подвергая сокрушительной критике устоявшиеся рутинные представления, сам сделал шаги, сближающие его с постмодернизмом.

Это логика процесса развития. А высказывания Амирхана, полные злорадства, можно сравнить с разгулом социологического направления в литературе и искусстве, о котором мы знаем из истории 20—30-х годов. Но сейчас речь идет о другом — о «разрушении всех схем классической философии». И при чем тут Ауэзхан? Разве это он разрушает все схемы старой философии? Или выступает яростным проповедником постмодернизма? Нет! Ауэзхан излагает всего лишь одну особенность постмодернизма. Только и всего! Он исследователь. И разница между Ауэзханом и постмодернизмом такая же, как между небом и землей. Но нам-то нужно знать, что такое постмодернизм? Или это запрещено?

А. Мендеке, якобы заботясь о народе, чтобы он сохранил «национальность, традиции, религиозность», поднимает на щит теоретические установки В. Курбатова и клеймит постмодернизм как мировоззрение «разрушения, агрессивности, бездуховности». И опирается он при этом на основные положения, высказанные десять лет назад на страницах «Литературной учебы». Мендеке не принимает во внимание, что там высказываются различные мнения о постмодернизме. Одни специалисты считают это «явлением культуры», «пространством культуры», «течением». Другие — «формой мышления», «определенной ступенью мышления» и т.п. Он следует известному испытанному правилу: «Сорок солдат идут не в ногу, а один — в ногу». И этот один оказывается В. Курбатов. Все неправильно рассуждают, только один прав — В. Курбатов. Проявив мимоходом «дипломатичность», наш критик заявляет: «Правда, у постмодернизма есть кое-что, чему можно поучиться у выдающихся представителей и казахским писателям». И сразу же после этих ласкающих слух слов ни с того ни с сего обращается к К. Леонтьеву, ссылаясь на его мысли о национальном самосознании, осуждающие отсутствие традиций, космополитизм и ассимиляцию. Критик приписывает Ауэзхану и Алие ужасный грех: «Все три упомянутых признака болезни мы находим в постмодернизме, а воспевают их Алия и Ауэз-